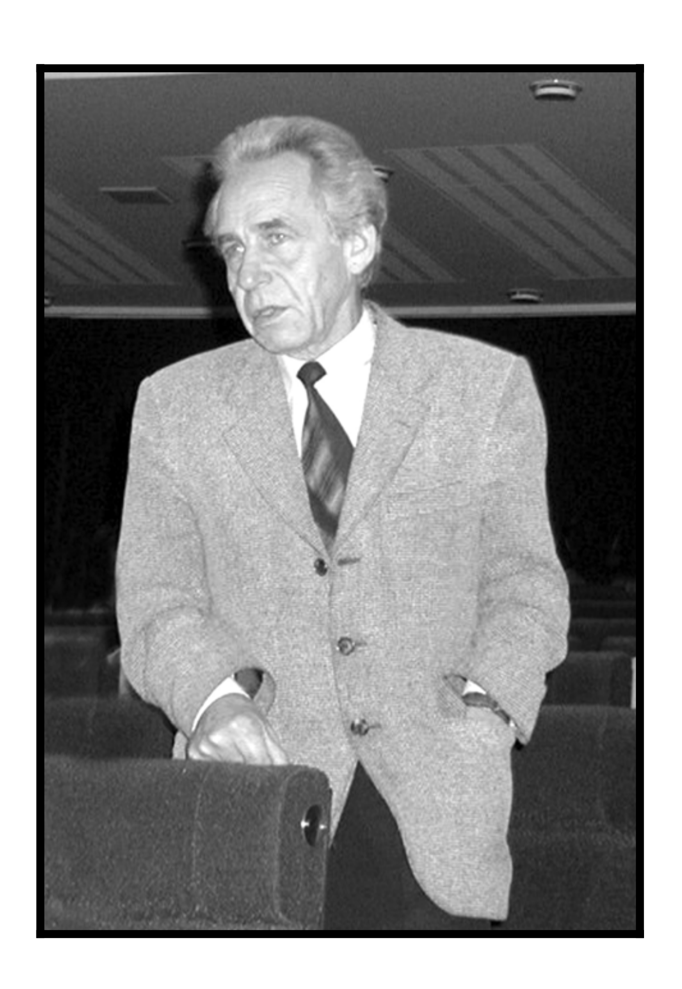
ПАМЯТИ УЧЕНОГО

29 июля 2013 года на 78-м году жизни от нас ушел Иван Васильевич Лёвочкин. Друзья, ученики и коллеги Ивана Васильевича, все, кому он был дорог, кем высоко ценим, вместе с родными и близкими простились с ним в подмосковном Щелково, где он жил и окончил свои дни.

Доктор исторических наук, профессор И. В. Лёвочкин был личностью, известной всем древникам-медиевистам. Он — выдающийся специалист в области древнерусской книжности, автор многих трудов по палеографии, книговедению, книжной миниатюре. Им подготовлен целый ряд изданий уникальных рукописных книг. Но главное, все мы знали его как руководителя подразделений рукописных хранилищ: в 70—80-е годы прошедшего столетия он возглавляет отдел рукописей Государственного исторического музея, а затем в течение более чем двадцати лет — сектор рукописных книг Российской государственной библиотеки. Его помощь, советы и консультации, которые получали от него все, кто занимается рукописями, трудно переоценить.

Много лет Иван Васильевич преподавал — в Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова, Московском государственном университете культуры и искусства и других вузах. Его яркие и оригинальные лекции, захватывающие необычные практические занятия не могли не запомниться студентам, и многие из его учеников продолжают и будут продолжать его дело.

За два его прошедших юбилея мы уже как-то успели вспомнить основные вехи его биографии, отметить основные труды и достижения, а сейчас хочется попытаться дать себе отчет, в чем заключалась неповторимость его личности, ведь Иван Васильевич был человеком… очень особенным.

Для меня, наверное, главная его черта — это благородство. Человек, который не позволял себе ни о ком говорить плохо, всегда помогал другим и при этом сам никогда не просил ни о помощи, ни о сочувствии. Хотя мы готовы были и помогать, и сочувствовать. Ведь он, если любил кого, то уже до конца, не взирая на наши недостатки, слабости, ошибки. А нас много, читателей рукописей, Хранителем которых он был, его почитателей, которые его любили. И любить его можно было только точно так же — до конца, не взирая на его иногда неожиданные экстравагантные высказывания и поступки. Обаяние его личности было необычайным.

В нем удивительным образом соединялся деятель и созерцатель. С одной стороны, в центре жизни стояла Работа, которой он отдавался со страстью. Будь то подготовка выставок — он в годы аспирантуры работал в Экспозиционном отделе ГИМа, который потом возглавил, или организация системы описания рукописных фондов, когда стал во главе Рукописного отдела. Только с его энергией, способностью идти до конца в деле почти безнадежном можно было справиться с надвигающейся на рукописи ГИМа катастрофой: переплеты пергаменных рукописей оказались зараженными жучком-кожеедом, хранилищу грозил «биологический пожар». Действовал Иван Васильевич хотя и решительно, но с исключительно научным подходом: он использовал новейшие разработки и средства, обратившись в Министерство сельского хозяйства. Жучка вытравили бромистым метилом, настоящим ядом, для этого мероприятия на три дня был закрыт не только Исторический музей, но и вся Красная площадь. Два специалиста и Иван Васильевич в противогазах уничтожали жучка. Для здоровья это не прошло бесследно: яд проник в организм через кожу.

В Отделе рукописей ГИМа я его впервые и увидела. Он присматривался — хотел понять, я сама-то знаю, что мне тут нужно и зачем? Видно, что-то сработало в мою пользу.

В Рукописном отделе Ленинской библиотеки (РГБ), которую он всегда называл Румянцевской, он продолжил внедрять систему описания собраний, и в Секторе под его руководством сделано в этом плане очень многое. Стремился приобретать интересное для Фондов. Часто, загадочно улыбаясь, говорил: «Новую рукопись принесли, сейчас покажу…».

А созерцателем он был в том смысле, что не только на прошлое, но и на сегодняшнюю жизнь смотрел как историк: изучая ее и делая выводы. Не все эти выводы мне понятны, но, может быть, еще получится понять. Так, он категорически не любил новодел и вкладывал в это понятие достаточно широкий смысл: «Оставьте прошлое — прошлому». «Но как же так, оно нам тоже нужно!» Он улыбался своей замечательной улыбкой и спрашивал: «А зачем? Всему свое время».

Всему свое время, и мы остались теперь без него.

Его же невидима оставльше, Христу помолимся дати во веки сему упокоение.

Главный редактор журнала
«Древняя Русь. Вопросы медиевистики»,
доктор филологических наук,
профессор
Е. Л. Конявская